

Был и есть у России вечной прочности вечный запас...

К счастью для нас и наших потомков, есть незабываемые свидетельства подвигов на войне, запечатлённые в прозе Алексея Толстого, Михаила Шолохова, Леонида Леонова, Юрия Бондарева, Михаила Алексеева, Евгения Носова и других подвижников русской прозы.

Но есть и такое незабываемое по таланту и честности явление, как фронтальная поэзия. Как бы доказывая, что не все истины беспорны, муза её всё-таки нащепывала под грохот пушек и на

полях сражений жемчужные строки, но записывались они в блокноты «не в боях — между боями».

Читаю и перечитываю стихи фронтальных поэтов, и сердце захватывает в мучительной тревоге. Оттого, что трудно, горестно, невозможно читать эту суровую правду о войне. Оттого, что и я сам — дитя невероятных лет, переживший трёхлетнюю оккупацию на Смоленщине, расстрел карателями материнской деревни Тыновка в феврале

1942 года. Оттого, что за скупыми, резкими и горькими строками фронтальных поэтов стоит незабываемая четырёхлетняя трагедия битвы за само существование нашего многострадального народа.

Фронтальная поэзия — это мужество на войне, обострённое чувство справедливости и великая жажда жить во имя созидания.

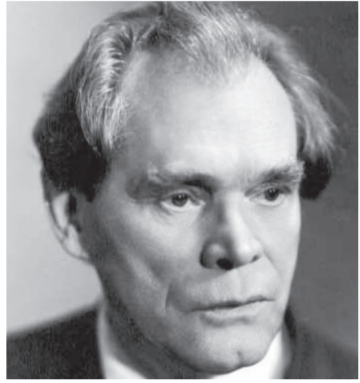
Я много лет собирал стихи поэтов, павших на войне, интересовался дальнейшей судьбой поэтов, вернувшихся с

фронта. И мои размышления оформились в рукопись книги, которую я назвал «100 фронтальных поэтов».

Эта книга — мой нравственный долг не только перед фронтальными поэтами, но и перед нашим читателем.

Фронтальники — подвижники русской советской культуры — мы должны помнить поимённо.

Анатолий ПАРПАРА

Пулемётчик

С железных рукоятей пулемёта он не снимал ладонь в дни войны... Опасная и страшная работа. Не вздумайте взглянуть со стороны.

***

А за спиной — вся Россия, ни боли, ни страха нет... Задранны фары синим, кипит над колонной снег. А мы налегаям на палки вдоль Выборгского шоссе. И валится с лёгкой вьювалку, и вмиг засыпаем все... Промёрзли подшлемники рыжие, заштриховались кусты. И — нет никого. Лишь лыжи над нами торчат, как кресты.

***

Ни голоса, ни всплеска во Вселенной, ни голоса, ни стука, ни коистра... Между гражданской жизнью и военной в кустах бежит, журчит река Сестра.

Но уж сапёры припасли понтоны в полувёрсте от горькой той воды, от той беды, когда порой студёной по всей России вымерзли сады.

Осколок

Я не чурюсь верхних полок, по финской баней не грешу...

Владимир ЖУКОВ

Владимир Жуков воевал на Советско-финской и, уже будучи инвалидом, добровольно, — на Великой Отечественной пулемётчиком стрелковой роты. В 1946-м на родине поэта, в Иваново, вышла первая книга стихотворений «Солдатская слава». Жуков стал участником первого Совещания молодых писателей. Его поддержал сам Александр Твардовский. Последующие книги: «Солдатская поэма», «Наследники», «Памяти Николая Майорова», «Позывные сердца» — явили читателю одного из глубоко думающих талантливых поэтов. Всего Владимир Жуков выпустил более двух десятков поэтических сборников.

Осумковавший осколок в себе нетронутым ношу. Мы с ним шпионим друг за другом, прислушиваясь и ершась, как два волчка, что по кругу знай ходят, взвешивая шанс. Полузабылся Верхний Волок, валдайский снег, лычковский лёд... А пушкосты тот осколок с войны вернуться не даёт. Всё обошлось с годами, вроде, поутраилось в твоей судьбе. А он возьмёт да к непогоде вдруг и напомнит о себе!..

Ужель и правда: вместе звеньев до срока рухнувших связных кому-то надо в поколенья жить среди мёртвых и живых?

Сергею Наровчатову

День и ночь над землянкой штабной — только дождь проливной. Только стук рассыпает, урча, пулемёт — толь от скуки, а толь на испуг пулемётчик кого-то берёт, — вот и бьёт то по фронту, то вкось, прошивая лосну насквозь. А потом и ему надоест — оборвёт. Ловит запахи лес, жаркий шёпот поспешный: «Свои» — в тьме крошечной среди тихой хвой. И опять над землянкой штабной только ветер да дождь проливной, да нет-нет — за стеной часовой на приступок опустит приклад. Иль шальной недотёпа-снаряд прошуршит и влетит в перегородку. Хорошо, если не по своим!

А по ним, по нему... Не пойму, хоть солдат, почему этот дым в дождь всегда сладковат? Сквозь прицельный расщеп блиндажа что я видел? Болотная ржа

всколыхнётся. Ударит огнём — и пошла вся земля ходуном. Справа, так мне сказал командир, Ель — мой первый ориентир, слева взлобок, приметный едва, — ориентир номер два... Я постиг и душой, и умом то, что в секторе было моём с первых дней до последнего дня.

Вот о том и спросите меня.

***

Под деревней Старая Руза обрели последний покой подполковник — Герой Союза, бронзой меченный именной; сорок шесть сержантов пехоты, двадцать взводных, один комбат и, по чьим-то горьким подсчётам, девятьсот шестьдесят солдат... А при въезде в крае чеканной — братский памятник безымянный, уходящий в разрыв-траву... Видно, в горести да в печали мы не всех тогда сосчитали, кто собой заслонил Москву.

Послесловие 1945 года

От Москвы до Эльбы во земле сырой наше поколение выровняло строй. Души оттремели, ватники истлели и навзрыд оттели бусы метели. Оступились войны на друзьях моих... Мёртвые спокойны за живых.

Запас прочности

До сих пор не совсем понимаю, Как же я, и худя, и мала, Сквозь пожары к победному Маю В кирзачах стопудовых дошла.

И откуда взялось столько силы Даже в самых слабейших из нас?.. Что гадать? — Был и есть у России Вечной прочности вечный запас.

***

Нет, это не заслуга, а удача Стать девушке солдатом на войне. Когда б сложилась жизнь моя иначе, Как в День Победы стыдно было б мне!

С восторгом нас, девчонок, не встречали: Нас гнал домой охрипший военком. Так было в сорок первом. А медали И прочие регалии потом...

Смотрю назад, в продыленные дали: Нет, не заслугой в тот злоеющий год, А вышей честью школьницы считали Возможность умереть за свой народ.

***

И откуда вдруг берутся силы В час, когда в душе черным-черно?.. Если б я была не дочь России, Опустила руки бы давно, Опустила руки в сорок первом. Помнишь? Заградительные рвы,

Словно обнажившие нервы, Зазмеились около Москвы. Похоронки, раны, пепелица... Память, душу мне войны не рви, Только времени не знаю чище И острее к Родине любви. Лишь любовь давала людям силы Посреди ревушего огня. Если б я не верила в Россию, То она не верила б в меня.

Многу дров наломано немало, Но одной вины не признаю: Никогда друзей не предавала — Научилась верности в бою.

Ты должна!

Побледнев, стиснув зубы до хруста, От родного окопа одна Ты должна оторваться, и бруствер

***

Мне близки армейские законы, Я недаром принесла с войны Полевые мятые погоны С буквой «Т» —

отличьем старшины. Я была по-фронтовому резкой, Как солдат, шагала напролом, Там, где надо б тоненькой стамеской, Действовала грубым топором.

Проскочить под обстрелом должна. Ты должна. Хоть вернейше едва ли, Хоть «Не смей!» — повторяет комбат. Даже танки (они же из стали!) В трёх шагах от окопа горят. Ты должна.

Ведь нельзя притворяться Перед собой, что не слышишь в ночи, Как почти безнадёжно: «Сестрица!» Кто-то там, под обстрелом, кричит...

Народ богатырский мой

Отчизной мобилизован Народ богатырский мой. Не дай облакам грозным Сомкнуться над головой!

Товарищ, где бы ты ни был — И в городе, и в селе — Зорче следи за небом, Оглядывайся на земле!

И если враги на границе Займут твой город — Сожги и нефть, и пшеницу, И утони поезда.

Мосты подорви и склады, Врагов огнём ослепи, В ряды партизанских отрядов С винтовкой в руках вступи!

Мы встанем врагу на дороге И не дадим вздохнуть Мы можем пожертвовать многим, Чтоб всё обратно вернуть!

Отчизной мобилизован Народ богатырский мой. Не дай облакам грозным Сомкнуться над головой!

Десятилетний человек

Крест-накрест белые полоски На окна съжившихся хат. Родные тонкие берёзки Тревожно смотрят на закат.

И пёс на теплом пепелище, До глаз испачканный в золе. Он целый день кого-то ищет И не находит на селе.

Накинув драный зипунишко, По огородам, без дорог,

Сергей МИХАЛКОВ

Первое стихотворение опубликовал в 15 лет. Через пять лет он стал активным корреспондентом московских газет и журналов. В 22 года создал поэму «Дядя Стёпа», принесшую ему всесоюзную славу. В тот же 1935 год поступил в Литературный институт. Через год его приняли в Союз писателей СССР. Ещё через год он получил высочайшую награду — орден Ленина. Михалков выпустил сборники стихов и басен, писал пьесы и сценарии к фильмам и мультфильмам. Сценарий к фильму «Фронтальные подруги» отмечен Государственной премией СССР в 1942 году. В предисловии к сборнику «Фронтальная муза» Михалков не без гордости вспоминал, что был военным писателем-корреспондентом газеты Южного фронта «Во славу Родины», а потом работал в главной газете Военно-воздушных сил «Сталинский сокол».

Спешит, торопится парнишка По солнцу, прямо на восток.

Никто в далёкую дорогу Его теплее не одел, Никто не обнял у порога И вслед ему не поглядел,

В нетопленной, разбитой бане, Ночь скоротавши, как зверёк, Как долго он своим дыханьем Озявших рук согреть не мог!

Но по щеке его ни разу Не проложила путь слеза, Должно быть,

слишком много сразу Увидели его глаза.

Всё видевший, на всё готовый, По груди проваливаясь в снег, Бежал к своим русоголовый Десятилетний человек.

Он знал, что где-то недалеко, Быть может, вон за той горой, Его, как друга, в тёмный вечер Окликнет русский часовой.

И он, прижавшийся к шинели, Родные слыша голоса, Расскажет всё, на что глядели Его недетские глаза.

Надёжный друг

После боя, после схватки, Когда сбит на землю враг, Хорошо, что «всё в порядке», Хорошо, что есть табак.

Хорошо, что друг надёжный Прикрывал тебя в бою. С другом всем делиться можно, Если делишь жизнь свою.

Мы пришли

Тяжёлым снарядом расщепленный тополь Лежит в придорожной пыли. Советский наш город, родной Севастополь, Ты ждал нас, и вот мы пришли.

Мы были в тяжёлой и долгой разлуке, Но свой Севастополь любя, В жестоких сраженьях мы мстили за муки Врагам, что держали тебя.

Мы в грозные дни Ленинград отстояли, В боях Сталинград обрели, Когда мы входили в Одессу, мы знали: Ты ждёшь нас, и вот мы пришли.

Захватчиков подлых мы гнали из Крыма, В боях не жалея себя, Мы кровью платили, наш город любимый, За каждый свой шаг до тебя.

Теперь мы залечим тяжёлые раны, Что немцы тебе нанесли. И в ясные дни, и в ночные туманы Ты ждал нас, и вот мы пришли.

Тяжёлым снарядом расщепленный тополь Лежит у бойцов на пути. Ты верил в победу, ты знал, Севастополь, Что мы не могли не прийти.

Победа

Они дошли до стен рейхстага — Друзья: боец и командир, И стены были им бумагой Для первых подписей за мир!

Константин ВАНШЕНКИН

В неполные семнадцать лет десятиклассник Ваншенкин был призван служить в Воздушно-десантную войска, участвовал в боях на 2-м и 3-м Украинских фронтах. В 1945 году в Венгрии, как вспоминал Константин Яковлевич, снова «стал писать совершенно неожиданно для себя». «Кастальский ключ» забил, но уже насыщенный вином поэзии. Лад и лиричность, музыку его строф полюбили знаменитый певец Марк Бернес, композиторы Ян Френкель, Эдуард Колмановский и другие. Так родились на свет песни, которые стали народными: «Я люблю тебя, жизнь», «Алёша», «Я спешу, извините меня», «За окошком свету мало»... В начале поэтического пути поддержанный Михаилом Исаковским и Александром Твардовским, он сам помог многим молодым поэтам в становлении. Творчество Ваншенкина отмечено Государственными премиями СССР и России.

***

Особенное наше поколение — Цветенья предвоенного краса. Оно вводилось в виде пополнения В неполные полки и корпуса.

Оно тогда осмыслило едва ли: Его, пока ещё не полегло, — Как кровь живую, армиям вливали. И это, между прочим, помогло.

***

По горным кряжам, вырубкам и долам, На краткий миг склоняясь над ручьём, Шагала я с неудобным и тяжёлым Противотанковым ружьём.

В ночи ориентируюсь по звёздам, Пуская высь мажорочный дымок, Привык себя считать я очень взрослым — Иначе б это выдержать не смог.

Я спал, постелью хвойною исколот, Горело натруженное плечо... Лишь в тридцать лет я понял, что я молод, Что сорок — тоже молодость ещё.

***

Трус притворился храбрым на войне, Поскольку трусам спуску не давали. Он, бледный, в бой катился на броне, Он вяло балагурил на привале.

Его всего крутило и трясло, Когда мы попадали под бомбёжку. Но страх скрывал он тщательно и зло, И своего добился понемножку.

И так вошёл он в роль, что, наконец, Стал храбреем, почти уже природным. Неплохо бы, чтоб, скажем, и подлец Навечно притворился благородным.

Скрывая подлость, день бы ото дня Такое же выказывал упорство. Во всём другом естественность цена, Приветствую подобное притворство!

Освобождение

В мадыарском городке, куда наш взвод Попал после форсирования Рабы, Невзрачный обнаружился завод, Где наши девки маялись и бабы.

Там молодуха кинулась ко мне, Припала, восхищённая причиной, И стала слабо хлопотать по спине, Как женщина, довольная мужчиной.

***

Едва вернулся я домой, Как мне сейчас же рассказали О том, что друг любимой мой Убит на горном перевале.

Я вспомнил длинный ряд могил (Удел солдат неодинаков!), Сказал: «Хороший парень был», — При этом даже не заплакав.

И, видно, кто-то посчитал, Что у меня на сердце холод И что я слишком взрослым стал... Нет, просто был я слишком молод!

***

Блестит огонь, слепя. Бьёт в душу канонада. Живите для себя, Жить для других не надо.

На праздничных пирах, В благополучной доле, Зря не тревожьте прах Полегших в чистом поле.

Давно тот бой затих, Герои спят в могиле. Не тштитеесь жить за них — Они своё свершили.

***

Ф.С. Винститут зашёл бочком Без отличий и увечий, Стиснут тесным пиджачком — Оттого и узкоплечий.

Всё же он из тех калик Перехожих, что долиной Вдаль бредут и слышат клик Над собою журавлиный.

Что солдатикам своим, В снег упавшим сиротливо, Он кричал сквозь горький дым После каждого разрыва?

Спит женщина

Спит женщина, и ты ей снишься ночью, — Когда кругом безмолвие и мгла, — Тем юношей, которого воочию Она, конечно, видеть не могла.

Там вдаль, в холодном блеске полдня, Десантный взвод взмывает к небесам.

Спит женщина, твои невзгоды помня Больше, чем ты помнишь это сам.

Она проходит длинную тропю, Как будто по твоей идёт судьбе. И даже знает о тебе такое, Что ты сам не знаешь о себе.